

Ночь опустилась на город. Черный седан Цзян Чжана плавно въехал на территорию виллы, скрытой в зелени гор Цаншань. Это была Юньлинская резиденция семьи Цзян.

— Старший господин вернулся? — к Цзян Чжаню вышла экономка, тетушка Чжоу.

— Тетушка Чжоу, почему так темно? Почему свет не включили?

Тетушка Чжоу хотела что-то сказать, но запнулась, бросив быстрый взгляд на второй этаж.

Цзян Чжань всё понял.

Он поднялся на второй этаж, подошел к комнате матери, Гао Муюнь, и постучал.

— Войди, — голос прозвучал холодно, как всегда, с оттенком необъяснимой отчужденности.

— Мама.

В комнате было темно, лишь лунный свет пробивался сквозь окно. На кушетке у панорамного окна полулежала женщина средних лет с благородными манерами.

— Чжань-эр, ты вернулся?

Гао Муюнь поднялась, сбросила с ног серый плед, плотнее запахнула на плечах бежевую кашемировую шаль и посмотрела на сына с бесконечной нежностью.

— Мама, у тебя в комнате слишком сильно работает кондиционер. Может, убавить?

— Не нужно, я привыкла. Иди сюда, присядь рядом.

Цзян Чжань включил прикроватную лампу — он знал, что мать не любит яркий свет.

— Мама, у меня вечером возникли срочные дела, не смог приехать на ужин. Те морские ежи и рыба, что я передал через дядю Му, тебе понравились? Их только что доставили с судна, они свежайшие.

— Я... у меня сегодня нет аппетита.

Цзян Чжань посмотрел на мать, в глубине его глаз мелькнуло разочарование. Он промолчал.

Гао Муюнь не сводила с сына глаз и протянула ему руку. Цзян Чжань присел рядом и взял её ладонь в свою.

— Как ты в последнее время? Много работы?

— Терпимо.

— В больнице операции, в компании дела — разве может быть иначе?

Гао Муюнь ласково погладила сына по голове, словно любуясь шедевром живописи. Огромный изумруд на безымянном пальце гармонировал с темно-зеленым шелковым платьем, делая её кожу неестественно бледной. Руки у неё были прекрасные: тонкие, но при этом нежные, как нефрит. Ярко-красный лак на ногтях рук и ног в тон помаде служил идеальным дополнением, создавая резкий контраст с холодным образом пятидесятилетней женщины. У неё был высокий лоб, прямой нос и красивые европейского типа глаза, полные блеска, но во взгляде читалось врожденное чувство превосходства.

— У нас столько управленцев, мама, не стоит так беспокоиться обо мне.

— Чжань-эр, старайся чаще навещать маму.

— Хорошо.

— Тебе удобно жить одному? Я очень переживаю.

— Всё в порядке, я сам справляюсь. К тому же, и в компании, и в больнице есть комнаты отдыха и столовые. Кто только не хвалит кухню семьи Гао и больницы Чаннин.

— Чжань-эр, друзья прислали мне несколько фотографий девушек. Хочешь взглянуть? Если кто-то приглянется — встретишься. Ты ведь уже не мальчик.

Цзян Чжань поднялся:

— Мама, у меня сейчас совсем нет времени и сил на отношения.

— Мой Чжань-эр такой выдающийся, как может не быть девушки? Ты, наверное, хочешь сначала сделать отношения серьезными, а потом представить её мне? — с надеждой спросила Гао Муюнь.

— Мама, а где отец? Цзян Ле и Цзян Лин не дома? — Цзян Чжань попытался сменить тему.

Лицо Гао Муюнь мгновенно похолодело. Было очевидно, что мать и сын говорят о том, что неинтересно другому.

— Он в кабинете. А остальные — не знаю.

— Мама, я пойду к отцу.

Гао Муюнь снова легла на кушетку и укрылась пледом. Цзян Чжань дошел до двери, но, прежде чем выйти, услышал тихий голос матери:

— Чжань-эр, я всё же надеюсь, что ты будешь чаще приходить ко мне.

Он замер, обернулся:

— Хорошо, — и тихо прикрыл за собой дверь.

В кабинете Цзян Шинянь просматривал медицинские отчеты, одновременно печатая что-то на компьютере. Услышав стук, он поднял глаза.

— Отец, я вернулся.

Цзян Шинянь кивнул, снял очки для чтения и жестом пригласил сына присесть.

— Отец, я хотел бы отчитаться о ситуации в компании и больнице.

Цзян Шинянь немного подумал:

— Чжань-эр, обсудим это послезавтра на планерке в офисе. Я сейчас изучаю данные, завтра утром нужно отправить отчет зарубежным коллегам. Тема новая, очень срочная.

— Хорошо, в компании нет ничего экстренного, послезавтра будет в самый раз.

Цзян Чжань уже было встал, но снова сел:

— Отец, мама... она...

Цзян Шинянь отложил очки и с горькой улыбкой покачал головой:

— Каждый раз одно и то же. Любая мелкая оплошность Лин вызывает у неё приступ гнева.

Обычная внешность, посредственное происхождение, занудный характер, отсутствие романтики — как я мог быть достоин знатной барышни из семьи Гао? Не знаю, что во мне нашел твой дед. Я — простой человек, который так бессовестно воспользовался ресурсами семьи Гао.

Отец и сын замолчали. Цзян Чжань улыбнулся:

— Отец, отдыхай, не переутомляйся.

Уже у самой двери Цзян Шинянь окликнул его:

— Чжань-эр, делами компании ты вполне можешь распоряжаться сам, не нужно спрашивать меня. Ты же знаешь, мой интерес — медицина, мое призвание — лечить людей. В управлении я... я так и не научился жестким методам твоего деда, а вот ты — истинный его наследник.

— Отец, ты делаешь всё как надо. Столько лет под твоим руководством компания и больница стабильно развиваются. Добиться такого результата — нелегкий труд.

— Может, это лишь остатки влияния твоего деда? Я постоянно чувствую усталость, словно хожу по тонкому льду... — он осекся и снова надел очки. — Чжань-эр, найди время уделить внимание младшим. Отец знает, как тебе тяжело... Как отец, я прошу прощения.

Цзян Чжань поднялся на третий этаж в свою комнату и некоторое время сидел на диване у окна. Он потянулся за сигаретой, но вспомнил, что давно бросил, и отложил её.

За окном сгустились сумерки, во многих окнах горел свет.

Прошло немало времени, и Цзян Чжань почувствовал голод. Спустившись на кухню, он неожиданно встретил там младшего брата, Цзян Ле.

— Старший брат! Тетушка Чжоу сказала, что ты приехал. Я думал, ты уже спишь, и не стал беспокоить, — обрадовался Цзян Ле.

— А я думал, ты ушел играть в футбол. Много работы на телевидении?

— В последние дни нормально. Я еще на стажировке, заданий не так много.

— Хорошо. Погода стоит такая жаркая, интервью брать — дело непростое.

Цзян Ле кивнул в знак согласия.

— Брат, чего хочешь? Лапши? Или стейк пожарить?

— Лапши, побольше. Я ел в три часа дня. Ты тоже проголодался? Мы с тобой и правда мыслим одинаково.

— Я... я не ужинал.

Цзян Чжань, просматривавший журнал, поднял голову и посмотрел на брата. Братья унаследовали лучшее от родителей: высокий рост, крепкое телосложение и поразительно похожие красивые лица. Но характеры были противоположными: старший — рассудительный, младший — импульсивный.

Когда Цзян Ле было пятнадцать, в Хайчэн приехала знаменитая футбольная команда. Он, надев форму любимого игрока, пробрался на поле и начал обниматься со звездами. Обладая отличной физической подготовкой, он полтора круга бегал по стадиону от охраны. Если бы он случайно не споткнулся от переизбытка эмоций, никто бы его не поймал. Когда охранники несли его с поля, как поросенка, он продолжал кричать в камеры: Да здравствует футбол! Это видео до сих пор бьет рекорды просмотров.

Цзян Чжань любил в брате эту жизнерадостность, уверенность и безрассудный напор. Он души не чаял в младшем.

— Почему не ужинал? Плохо себя чувствуешь? — спросил Цзян Чжань.

— Кто же еще, как не мама? Она снова сорвалась на Цзян Лин. Лин ведь не нарочно, почему мама всегда так поступает?

Цзян Чжань сцепил пальцы в замок и подпер подбородок, молча глядя перед собой.

— Брат, этот дом... он такой давящий.

Цзян Чжань не шелохнулся, лишь моргнул.

— Не понимаю, почему мама всегда такая? Одна вечно язвит, а вторая — вечно всё терпит.

Цзян Ле не скупился на критику родителей, а Цзян Чжань лишь хранил молчание.